

Григорий Филипповский рисует

Бориса Пастернака

Лит. газета. — 1995. — 8 февр. — с. 6.

СУДЬБА свела Пастернака и Филипповского случайно и довольно поздно — в 1955 году, но подружились они по-настоящему, то есть сразу и навсегда.

Художника стали приглашать в Переделкино, он с радостью стал бывать в доме поэта, где собирались его ближайшие друзья. Дом был гостеприимным, блистал остроумной беседой, но художник оставался самим собой, приезжал на дачу "во всеоружии" и времени даром не терял. Поэту приходилось позировать, а нет — так "позировал" дачный пейзаж (самый верный и безотказный друг художников).

Вот что получили мы в итоге этого посланного судьбой знакомства. Прежде всего — несколько карандашных портретных рисунков, которые впоследствии перешли в офорты. В чем-то варианты заметно разнятся, хотя изображена в основном голова поэта: на одних рисунках она, одухотворенная, устремлена куда-то ввысь, на других — поэт смотрит прямо на нас и, по слову Ахматовой, весь настежь распахнут. Чего добивался художник, можно было бы лишь догадываться, но скрыть что-нибудь от поэта невозможно — ведь он все чувствует. К счастью, на одном из портретов сохранилась надпись Пастернака: "Ловцу неуловимого Григорию Георгиевичу Филипповскому". Ловцу неуловимого — сказано афористически точно.

Думается, еще более явно поиск "неуловимого" проявился в серии портретов Пастернака за роялем, которой можно дать условное название — муза поэта. Здесь задача художника еще, пожалуй, труднее — он явно хочет "дойти до самой сути" загадочного поэтического творчества: откуда она, та таинственная сила, что превращает всем известные, подчас банальные слова в ослепительно организованную и властно притягательную целостность? Все эти портреты схожи и композиционно, и по настроению, и по колориту. Вечерний полумрак. Лампа. Поэт за роялем, руки на клавиатуре, момент полного сосредоточения (изображение не только видишь, но, кажется, и слышишь — Шуберт, Шопен, поздний Скрябин?); где-то поодаль — застывшая в неподвижности женская фигура с прозаически домашним шитьем в руках. Извечные символы поэтического вдохновения — музыка, женщина... Чарующая загадочность этих портретов во многом таится в их незавершенности. В "зыбкой игре теней" лишь угадываются портретные черты поэта. Будто призрак или видение, возникшее в воспоминании художника. Перед нами словно приоткрывается "огневая стихия" поэтического таланта Пастернака. (Этому впечатлению вторит и сдержанный колорит, мерцающий серовато-коричневыми, оливковыми, охристыми тонами.) Художник как бы цепенеет перед загадкой, но не менее загадо-

чен становится и он сам. Кто он — реалист-бытописатель? Импрессионист? Фантаст? Или, если осмелиться на несколько шальной термин, символизатор?

От этих вопросов не уйти при рассмотрении работ Филипповского. Еще на одном его карандашном рисунке поэт предстает в совсем уж неожиданном и, пожалуй, наиболее сложном для изображения плане — как бы в "образе Гамлета". Как известно, "Гамлет" вызвал энтузиазм не только у актеров и режиссеров, но и у переводчиков, художников, композиторов, исполнителей... Филипповский впервые иллюстрировал "Гамлета" еще в 1937 году для издательства "Academia" (перевод М. Лозинского). Новый перевод Пастернака издавался многократно, его иллюстрировали, кроме Филипповского, и другие первоклассные мастера — Фаворский, Кузьмин, Гончаров, талантливо запечатлевшие мир Шекспира. Но Филипповский, увлекшись, осмелился пойти дальше. Он попытался передать духовное родство поэтических душ Гамлета и Пастернака. Художнику достаточно нескольких штрихов — и на белом светящем листе бумаги появляются характерные черты поэта, напряженно прислушивающегося к своему внутреннему состоянию. "...Я ловлю в далеком отголоске..."

Все эти портреты Пастернака работы Филипповского можно увидеть (впервые все вместе!) в Музее-квартире И. Д. Сытина на выставке, которая откроется 10 февраля — в день рождения поэта.

**Эмиль КАЗАНДЖАН,
Зара ШАХБАЗЯН**

Вверху — эскиз, внизу — офорт 1956г.